

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Аминов Э.Ф. Полифонический принцип и деконструкция субъективности: апории постмодернистской множественности // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76773 EDN: KIATUE
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76773

Полифонический принцип и деконструкция субъективности: апории постмодернистской множественности

Аминов Эльдар Фазилович

аспирант, кафедра Онтология и теория познания; Дагестанский государственный университет

367000, Россия, респ. Дагестан, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, д. 43А

✉ eldar@aminov.ru

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76773

EDN:

KIATUE

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2025

Аннотация: В данной статье предпринимается систематическое исследование критических пределов и внутренних противоречий полифонического принципа в постмодернистской философии. Категория полифонии, заимствованная Бахтиным из музыкальной традиции и развитая постструктурализмом, переосмысливается с точки зрения ее апоретических структур. В центре внимания находится деконструкция картезианского субъекта и трансформация понимания субъективности от *cogito* к модели резонансного поля множественных процессов. Исследуется три взаимосвязанных измерения этой трансформации: темпоральное (деррианский анализ автоаффекции, делезовские синтезы времени), аффективное (спинозовская философия аффектов, фукольдские техники себя) и событийное (делезовская концепция преиндивидуальных сингулярностей). Анализируется переосмысление оппозиции индивидуального и коллективного через делезо-гваттарианскую концепцию коллективных машин высказывания, понятие множества у Негри и Хардта, а также симондонскую теорию индивидуации. Рассматриваются этические импликации

полифонического принципа: левинасовская этика лица, деррианская концепция апоретического решения и лиотаровский дифферанд. В исследовании применен апоретический метод анализа, интегрирующий деконструктивную стратегию Деррида, делезовский анализ множественности и левинасовскую феноменологию инаковости. Научная новизна заключается в систематической экспозиции трех фундаментальных апорий: самообоснования (универсальность критики универсальности), коммуникации (несоизмеримость языковых игр) и критериев (оценка без трансцендентных оснований). Демонстрируется, что эти апории представляют не внешние препятствия, а продуктивные напряжения, конституирующие динамизм полифонического мышления. Разработана концепция резонансных отношений как альтернатива модели перевода и предложена стратегия имманентной валидации. Показано, что полифонический принцип трансформирует субъективность от субстанциального субъекта к событийной кристаллизации в силовых полях. Установлено также, что задача полифонической философии состоит не в преодолении апорий, а в разработке способов продуктивной работы с ними, что открывает новые перспективы для постфундационалистской мысли в области политической философии, этики и эпистемологии.

Ключевые слова:

полифония, множественность, субъективность, апория, деконструкция, постмодернизм, дифферанд, индивидуация, событие, несоизмеримость

Полифонический принцип, заимствованный из музыкальной теории М. М. Бахтиным ^[1] и впоследствии развитый в постструктуралистской философии, представляет собой одну из наиболее влиятельных концептуальных рамок для осмысления множественности в современной философии. Однако за несколько десятилетий своего развития эта концепция столкнулась с рядом фундаментальных противоречий, требующих систематического анализа.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью критического переосмысления оснований полифонического мышления в контексте современных философских дискуссий о субъективности, множественности и справедливости. В то время как значительная часть литературы посвящена конструктивным аспектам полифонии, вопрос о внутренних пределах и противоречиях этого подхода остается недостаточно проработанным. При этом качественное понимание полифонии (где качественный подход не исключает, а органично дополняет количественный анализ множественности в тех контекстах, где последний применим) требует именно экспозиции ее апорий, поскольку продуктивность философской концепции измеряется не только ее объяснительной силой, но и способностью работать с собственными противоречиями.

Проблема исследования формулируется следующим образом: каковы критические пределы полифонического принципа и как внутренние апории этого принципа соотносятся с его продуктивными возможностями? Более конкретно: как полифонический принцип может обосновать собственную универсальность, не впадая в противоречие? Как возможна коммуникация при принципиальной несоизмеримости дискурсов? На каких основаниях можно проводить оценку и различение при отказе от трансцендентных критериев?

Научная новизна работы заключается в систематической экспозиции трех фундаментальных апорий полифонического принципа и демонстрации их продуктивного

характера. Важно подчеркнуть, что термин «полифония» здесь используется как концептуальная метафора для обозначения множественности без иерархического подчинения голосов единому центру, что создает определенное терминологическое напряжение между музыкальным происхождением термина и его философским применением. Это напряжение, однако, является продуктивным, поскольку само указывает на центральную проблему работы: как можно говорить о множественности, сохраняя при этом возможность философской артикуляции? Структура статьи последовательно разворачивает проблематику от деконструкции субъекта через этические импликации к критическому анализу апорий, завершаясь рассмотрением продуктивности этих противоречий для постфундационалистской мысли.

1. Деконструкция картезианского субъекта: темпоральность, аффективность и событийность

Полифонический принцип радикально трансформирует понимание субъективности, замещая картезианское *cogito* моделью субъективности как резонансного поля множественных процессов. Эта трансформация касается трех взаимосвязанных измерений: темпорального, аффективного и событийного.

Темпоральное измерение

Деррианский анализ автоаффекции в «Голосе и феномене» [\[2, с. 95-112\]](#) демонстрирует, что даже внутренняя речь лишена непосредственного самоприсутствия, будучи структурирована игрой различения. Делезовская концепция «трех синтезов времени» в «Различии и повторении» [\[3, с. 112-178\]](#) развивает эту интуицию. Первый синтез (привычка) конституирует настоящее через сокращение повторяющихся мгновений. Второй синтез (память) конституирует прошлое как виртуальное целое, несводимое к последовательности актуальных моментов. Третий синтез (вечное возвращение) конституирует будущее как открытость радикально новому. Субъективность кристаллизуется в пересечении этих темпоральных потоков, а не управляет ими как трансцендентальная инстанция.

Аффективное измерение

Спинозовская философия аффектов, реактуализированная Делезом в «Спинозе: практическая философия» [\[4, с. 89-133\]](#), рассматривает субъективность через способность тела вступать в композицию с другими телами. Индивид характеризуется не сущностью или формой, а соотношениями движения и покоя, скорости и медленности [\[5, с. 102-115\]](#). Встреча тел продуктивна, когда она композитрует их отношения, увеличивая способность к действию; деструктивна, когда разлагает эти отношения. Фукольдиданский анализ «техник себя» [\[6, с. 45-89\]](#) показывает историческую вариативность практик самоформирования – от античной заботы о себе до христианской исповеди и современных психотерапевтических технологий. Каждая эпоха производит специфические режимы телесности и аффективности.

Событийное измерение

Делезовская концепция «преиндивидуальных сингулярностей» в «Логике смысла» [\[7, с. 145-189\]](#) мыслит субъективность как кристаллизацию в точках перегиба силовых полей, а не как субстанциальную данность. Субъект – это не то, что имеет события, а то, что происходит как событие. Стюарт Холл определяет идентичность как «точки временного крепления к субъектным позициям» [\[8, с. 8-12\]](#) – всегда незавершенные, подвижные,

открытые для реконфигурации.

2. Коллективная субъективация и политика множественности

Полифонический принцип требует переосмысления оппозиции индивидуального и коллективного. Делезо-гваттарианская концепция «коллективных машин высказывания» [\[9, с. 178-215\]](#) показывает, что язык не является инструментом индивидуального выражения. Высказывание «Я приказываю вам» функционирует только внутри институциональной машины (армия, школа, семья), которая распределяет субъектные позиции и наделяет их специфической силой, а концепция «множества» (multitude) у Негри и Хардта [\[10, с. 112-167\]](#) переносит эту логику в сферу политической философии. Множество противопоставляется народу: если народ конституируется через гомогенизацию и исключение, то множество сохраняет внутренние различия как источник политической силы, это не сумма индивидов и не масса, а форма коллективной субъективности, где сингулярности взаимодействуют без подчинения единой идентичности.

Симондонская концепция индивидуации [\[11, с. 89-156\]](#) требует более пристального внимания, поскольку она выводит проблематику коллективной субъективности за пределы социологических описаний, располагая ее в горизонте фундаментальной онтологии. Преиндивидуальное у Симондона – это не примордиальное единство, предшествующее различию, и не трансцендентный план, возвышающийся над эмпирической множественностью. Оно представляет собой метастабильную систему, насыщенную потенциалами, которая разрешается в процессе индивидуации, оставляя при этом неисчерпаемый остаток. Это позволяет переформулировать классическую проблему индивидуального и коллективного вне рамок субстанциалистской оппозиции. Если либеральная традиция от Гоббса до Ролза полагает индивида как онтологически первичную данность, а общество – как производное от договора, то коммунитаристская критика инвертирует эту схему, утверждая конститутивную роль сообщества по отношению к индивидуальной идентичности. Симондон обнаруживает ложность самого вопроса: индивидуальное и коллективное не предшествуют друг другу, но кристаллизуются симультанно в едином процессе, где преиндивидуальное функционирует как резервуар виртуальных возможностей [\[11, с. 178-201\]](#). Решающим моментом здесь оказывается тезис о принципиальной незавершенности всякой индивидуации. Актуализация никогда не исчерпывает виртуальное – каждая индивидуация сохраняет «заряд» преиндивидуального, который становится условием последующих трансформаций. Субъект, следовательно, не есть субстанция с устойчивыми предикатами, но процесс, траектория, линия изменения. Политические импликации этой онтологии радикальны: эмансипация перестает мыслиться как восстановление подлинной идентичности или освобождение от внешнего принуждения. Она становится производством новых модусов существования, изобретением нешаблонных траекторий субъективации [\[10, с. 234-267\]](#).

Делезо-гваттарианская теория коллективных машин высказывания [\[9, с. 289-312\]](#) экстраполирует эту логику на сферу дискурсивных практик. Их тезис о том, что язык функционирует не как инструмент индивидуального выражения, а как машина, распределяющая позиции высказывания, созвучен симондонскому отказу от субстанциального субъекта. Перформативная сила высказывания «Я объявляю заседание открытым» не черпается из интенций говорящего, но предполагает институциональную машину, которая легитимирует данную позицию энунциации. Здесь

обнаруживается фундаментальная деперсонализация речи: говорит не индивид, но сборка, ассамбляж, в котором индивид занимает определенную позицию.

Политическая философия Негри и Хардта [\[10, с. 334-389\]](#) развертывает эти онтологические интуиции применительно к анализу современных форм коллективности. Их концепт множества призван преодолеть ограничения как либерального индивидуализма, так и якобинской логики народа-суверена. Если народ конституируется через редукцию множественности к единству репрезентации, а масса означает индифферентную совокупность, утратившую всякую дифференциацию, то множество сохраняет внутренние различия как продуктивную силу. Речь идет о коллективной субъективности, где сингулярности вступают в композицию без подчинения трансцендентному единству.

Вместе с тем, теоретический статус множества остается проблематичным. Каким образом множество способно к коллективному действию без централизованной координации? Как отличить продуктивную композицию сингулярностей от деструктивной какофонии? На каком основании проводится различие между эмансипаторным множеством и реакционной толпой? Эти вопросы не получают удовлетворительного ответа у Негри и Хардта, указывая на апоретическую структуру самой идеи коллективного субъекта без субъекта. К систематическому анализу этих апорий мы обратимся в четвертом разделе.

3. Этические импликации полифонического принципа: к этике различия

От универсальных принципов к сингулярному решению

Полифонический принцип делает проблематичной классическую модель этического обоснования. Кантовская этика долга, утилитаристское исчисление, аристотелевская этика добродетелей – все эти системы предполагают возможность формулировки универсальных принципов, применимых независимо от конкретных обстоятельств. Однако если каждая ситуация является сингулярной конфигурацией сил, а субъект конституируется в событии решения, то универсальные правила оказываются неприменимыми. Левинасовская этика лица в «Тотальности и бесконечном» [\[12, с. 234-289\]](#) предлагает радикальную альтернативу, этическое отношение возникает не из применения принципов, а из встречи с Другим, который не может быть тематизирован или понят. Лицо Другого не является феноменом – оно не дает себя в созерцании, а обращается с требованием, предшествующим любому познанию [\[5, с. 187-215\]](#). Этическая ответственность характеризуется асимметрией: я отвечаю за Другого, не требуя взаимности и эта ответственность не основана на договоре, а представляет изначальную структуру субъективности – субъект конституируется как заложник Другого. Деррида же в «Политиках дружбы» [\[13, с. 89-145\]](#) развивает эту интуицию через концепцию апоретического решения. Подлинное этическое решение принимается в отсутствие достаточных оснований. Если решение было бы применением готового правила, оно не было бы решением, а лишь вычислением. Этичность связана с неопределенностью – необходимостью изобретать способ действия в каждой сингулярной ситуации [\[13, с. 178-201\]](#). Это указывает на ответственность, которая не может быть делегирована правилу или процедуре, хотя и не означает произвола.

Важно отметить, что апоретическое решение в понимании Деррида не является произвольным актом, лишенным рациональности. Напротив, оно требует максимального усилия рефлексии, изучения контекста, взвешивания аргументов – но все эти процедуры не могут устранить момент неопределенности, который и делает решение подлинно этическим. Решение должно быть одновременно информированным и спонтанным,

обоснованным и рискованным, ответственным и уязвимым перед непредсказуемыми следствиями. Эта парадоксальная структура указывает на то, что этика различия не противопоставляет себя рациональности, но требует расширенного понимания рациональности, способной работать с неопределенностью и сингулярностью [\[13, с. 234-256\]](#).

Полифоническая справедливость: дифферанд и событие различия

Лиотаровская концепция «дифферанда» [\[14, с. 45-89\]](#) обостряет проблему справедливости в условиях множественности. Дифферанд возникает, когда стороны конфликта не имеют общего языка для его разрешения. Каждая сторона говорит в своей языковой игре, имеет собственные критерии справедливости [\[15, с. 67-92\]](#). Попытка разрешить конфликт в рамках одной языковой игры совершает насилие над другой стороной, лишая ее средств артикуляции. Классический пример – конфликт между экономическим дискурсом, измеряющим ценность в терминах эффективности и прибыли, и экологическим дискурсом, апеллирующим к правам будущих поколений или нечеловеческих существ, здесь не оказывается метаязыка, который мог бы обеспечить справедливое разрешение: перевод экологических требований в экономические термины (монетизация природы) уже есть капитуляция перед экономической логикой [\[14, с. 112-134\]](#).

Деррида в «Силе закона» [\[16, с. 34-78\]](#) различает право и справедливость. Право – система установленных правил, применимых к конкретным случаям. Справедливость – опыт невозможного, требование, которое не может быть удовлетворено. Справедливость требует одновременно применения правила (универсальность) и его приостановки (внимание к сингулярности). Каждый акт суждения должен быть как законным, так и справедливым, однако эти требования несоизмеримы. Утверждение несоизмеримости не ведет к релятивизму и не означает, что все позиции равноценны. Критерии оценки, впрочем, не могут быть установлены заранее – они возникают в самом процессе конфликта. Справедливость становится задачей изобретения новых форм артикуляции, которые могли бы дать голос тому, что было исключено из существующих языковых игр [\[16, с. 89-112\]](#).

Таким образом, полифоническая справедливость не означает отказа от всякого суждения или принятия принципа «все дозволено». Скорее, она требует изобретения новых форм артикуляции конфликтов, которые не редуцируют различие к тождеству, но и не оставляют стороны в состоянии абсолютной изоляции. Практики медиации, переговоров, консультаций с заинтересованными сторонами, создание гибридных дискурсов – все эти механизмы могут служить инструментами полифонической справедливости, при условии, что они сохраняют открытость для артикуляции того, что еще не получило голоса в существующих языковых играх [\[17, с. 145-178\]](#). Критерий здесь процедурный, а не субстанциальный: справедливым является процесс, который максимизирует возможности артикуляции различий и минимизирует предварительное исключение позиций.

4. Критические пределы и апории полифонического принципа

Апория самообоснования: универсальность полифонического принципа

Полифонический принцип сталкивается с апорией самообоснования: как может критика универсальности сама претендовать на универсальную значимость? Если полифонический принцип утверждает, что всякая претензия на универсальность

является насилием над множественностью, то его собственное утверждение попадает под эту критику. Классическая логика видит здесь неразрешимое противоречие: либо полифонический принцип универсален (и тогда противоречит себе), либо партикулярен (и тогда теряет критическую силу). Однако мышление в стиле «И» позволяет увидеть продуктивность этого напряжения. Полифонический принцип остается полифоническим даже тогда, когда имеет валентность единицы. Единство здесь – не противоположность множественности, а ее частный случай. Одна стратегия работы с этой апорией – концепция «слабой универсальности», которая утверждает не определенное содержание как истинное для всех контекстов, а структуру открытости для инаковости как условие любого мышления. Эта универсальность процедурна, а не субстанциальна. Другая стратегия – понимание универсальности как события, а не данности. Полифонический принцип универсален не потому, что содержит все возможные содержания, а потому, что в каждой ситуации способен породить новые конфигурации мысли. Апория самообоснования становится одним из голосов в полифонической композиции – голосом, который не заглушает другие, а резонирует с ними, создавая более сложную гармонию мысли, вместо того чтобы требовать разрешения.

Апория коммуникации: проблема несоизмеримости

Если каждый план имеет собственную логику и критерии валидности, как возможно взаимопонимание? Лиотаровское утверждение несоизмеримости языковых игр [\[14, с. 178-201\]](#) ставит под вопрос саму возможность коммуникации. Если научная языковая игра и этическая языковая игра принципиально несоизмеримы, то на каком основании можно критиковать сциентизм? Полифоническое мышление предлагает решение через концепцию резонансных отношений. Коммуникация происходит не через перевод готовых смыслов из одного кода в другой, а через создание новых смысловых возможностей в зонах соприкосновения. Каждая встреча дискурсов порождает уникальное событие смысла, не принадлежащее ни одному из исходных дискурсов.

Гадамеровская герменевтика «слияния горизонтов» [\[17, с. 234-278\]](#) описывает похожий процесс: понимание не восстанавливает исходную интенцию автора, а создает новый горизонт смысла, где встречаются традиция текста и ситуация интерпретатора. Этот третий горизонт не редуцируется к простой сумме двух исходных. Рикер в «Конфликте интерпретаций» [\[18, с. 89-134\]](#) предлагает концепцию «продуктивного конфликта»: различные герменевтические стратегии (психоанализ, феноменология, структурализм) не синтезируются в метатеории, однако их конфликт производит более богатое понимание текста. Полифония означает не гармоничное согласие, а продуктивное напряжение между несводимыми перспективами.

Апория критериев: проблема оценки и различения

Отказ от трансцендентальных оснований порождает вопрос: как отличить продуктивные конфигурации от деструктивных, творческие трансформации от хаотических изменений? Если все голоса равноправны, то как критиковать фашистский дискурс или расистскую идеологию?

Попытки установить имманентные критерии различения продуктивных и деструктивных конфигураций сталкиваются с методологическими трудностями, о чем свидетельствует неразработанность этой проблематики даже у ведущих теоретиков множественности. Опасность релятивизма особенно остра в политическом контексте: полифоническое мышление может быть использовано для легитимации любых партикулярных требований.

Выход намечается через концепцию имманентной валидации. Критерии не привносятся извне как трансцендентные нормы, а возникают в самом процессе взаимодействия. Продуктивность конфигурации измеряется ее способностью генерировать новые возможности мышления, чувствования, действия. Продуктивные конфигурации характеризуются открытостью для неожиданных соединений, готовностью к самотрансформации, способностью порождать различия. Деструктивные образования стремятся к замыканию перспектив, фиксации идентичностей, подавлению инаковости. Важно понимать, что это различие процессуально, а не субстанциально. И то, что в одном контексте функционирует как продуктивная сила, в другом может стать препятствием. Критерий темпорален: продуктивно то, что открывает будущее, расширяет горизонт возможного; непродуктивно то, что его закрывает. Спинозовская концепция аффектов [\[5, с. 187-234\]](#) предоставляет дополнительный критерий: встреча тел продуктивна, если композитрует их отношения, создавая более сложные индивидуальности, способные к разнообразным взаимодействиям. Деструктивна встреча, которая разлагает эти отношения, уменьшая способность к аффицированию и действию.

Эта логика оценки избегает как догматического морализма, так и беспринципного релятивизма. Она не предписывает заранее данные нормы, а предоставляет инструменты анализа конкретных ситуаций в их сингулярности. Она не отказывается от различения, а переносит его из сферы трансцендентных принципов в план имманентного анализа сил и их композиций.

Заключение

Исследование пределов и апорий полифонического принципа обнаруживает, что эти трудности представляют собой продуктивные напряжения, конституирующие динамизм полифонического мышления, а не внешние препятствия, требующие устранения. Апория самообоснования демонстрирует принципиальную незавершенность любой легитимации. Апория коммуникации обнаруживает творческий потенциал межкультурных встреч. Апория критериев свидетельствует о событийной природе истины. Трансформация субъективности, которую влечет за собой полифонический принцип, радикальна: от картезианского *cogito* к множественной субъективации, от субстанциального субъекта к событийной кристаллизации в силовых полях, от индивидуальной автономии к коллективным машинам высказывания. Эта трансформация переопределяет субъективность как процесс, а не данность, вместо того чтобы устранять ее.

Этические импликации полифонического принципа требуют отказа от поиска универсальных моральных законов в пользу ответственности за сингулярное решение. Этика различия указывает на необходимость изобретения способов действия в каждой уникальной ситуации, что не означает морального релятивизма. Справедливость понимается не как применение правил, а как опыт невозможного – требование, которое не может быть полностью удовлетворено, однако задает направление этического усилия.

Критические апории полифонического принципа не подлежат окончательному разрешению. Они указывают на фундаментальные напряжения, которые конституируют пространство постмодернистской мысли. Задача состоит не в преодолении этих апорий через синтетическое решение, а в разработке способов продуктивной работы с ними. Полифоническое мышление предлагает не новую систему истин, а альтернативный способ организации мысли – способ, который способен работать с множественностью, не редуцируя ее к единству и не распыляя в хаотической дисперсии.

Практические импликации данного исследования распространяются на несколько

областей. В политической философии полифонический подход предлагает альтернативу как либеральному индивидуализму, так и коммунитаристскому холизму, открывая перспективу демократии множества, основанной на признании продуктивности конфликта. В этике он указывает путь между универсалистским абсолютизмом и культурным релятивизмом через концепцию ситуативной ответственности. В эпистемологии полифонический принцип позволяет переосмыслить отношения между различными дисциплинами и дискурсами не как конкуренцию за истину, а как резонансное взаимодействие, порождающее новые смысловые конфигурации. Будущие исследования могут развить эти интуиции в направлении конкретных практических приложений: от разработки процедур принятия решений в мультикультурных обществах до создания институциональных форм, способных работать с множественностью без ее подавления. Ключевой вопрос здесь – как институционализировать апорию, не устраняя ее продуктивного напряжения? Этот вопрос остается открытым и требует дальнейшей философской и практической проработки.

Необходимо, однако, ввести существенное уточнение относительно нормативного статуса полифонического принципа. Утверждение равноправия голосов не следует понимать дескриптивно, как констатацию фактического равенства. В действительности различные дискурсы располагают несоизмеримыми ресурсами: институциональной поддержкой, символическим капиталом, доступом к каналам производства и циркуляции знания. Академический дискурс, медицинская экспертиза, юридическая аргументация обладают легитимностью, которой лишены альтернативные формы знания – будь то народная медицина, локальные практики или маргинализированные интеллектуальные традиции.

Полифония как нормативный принцип предполагает не наивный плюрализм, игнорирующий эти асимметрии, но критическую работу по выявлению властных отношений, структурирующих поле возможных высказываний. Задача полифонической философии – не механическое уравнивание всех позиций, но создание условий для артикуляции тех голосов, которые систематически исключаются из доминирующих режимов истины. Это требует сочетания герменевтической установки (понимание внутренней логики различных дискурсивных формаций) с критикой идеологии (анализ механизмов, конституирующих одни дискурсы как легитимные формы знания, а другие – как донаучные, иррациональные или маргинальные) [\[17, с. 345-389\]](#). Методологически это означает, что полифонический анализ не может ограничиваться нейтральным описанием сосуществующих дискурсов. Он должен включать критическую генеалогию, эксплицирующую исторические условия, при которых определенные формы знания получают привилегированный статус, в то время как альтернативные традиции подвергаются эпистемологической дисквалификации. В этом отношении полифония представляет собой не столько теорию множественности, сколько критический проект, направленный на расширение пространства легитимных артикуляций и демократизацию эпистемологического режима.

Библиография

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с. EDN: VQMUUV.
2. Деррида, Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / пер. с фр. С. Г. Калинина, Н. В. Суслова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.
3. Делез, Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с. EDN: TCNXLB.
4. Делез, Ж. Спиноза: практическая философия / пер. с фр. С. Ермаков. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. – 256 с.

5. Спиноза, Б. Этика / пер. с лат. Н. А. Иванцова. – СПб.: Аксиома, 1993. – 250 с.
6. Фуко, М. История сексуальности – III: Забота о себе / пер. с фр. Т. Н. Титовой, О. И. Хоми. – Киев: Дух и литера, 1998. – 288 с.
7. Делез, Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. – М.: Академический проект, 2011. – 472 с. EDN: QXABFT.
8. Холл, С. Вопросы культурной идентичности / С. Холл // Логос. – 2004. – № 3-4. – С. 5-15.
9. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. И. Свирского. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
10. Негри, А., Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.
11. Simondon, G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information / G. Simondon. – Grenoble: Millon, 2005. – 571 p.
12. Левинас, Э. Тотальность и Бесконечное. Эссе о внешности / пер. с фр. А. В. Парибка. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 416 с.
13. Деррида, Ж. Политики дружбы / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. – М.: Grundrisse, 2021. – 400 с.
14. Лиотар, Ж.-Ф. Различие / пер. с фр. В. Е. Лапицкого. – СПб.: Machina, 2007. – 184 с.
15. Lyotard, J.-F. The Differend: Phrases in Dispute / J.-F. Lyotard; trans. G. Van Den Abbeele. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. – 200 p.
16. Деррида, Ж. Сила закона: мистическое основание авторитета / пер. с фр. Б. М. Скуратова. – М.: Издательский дом "Территория будущего", 2014. – 96 с.
17. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
18. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. С. Вдовиной. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2002. – 624 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой обзорное историко-философское исследование, предметом которой является восходящий к работам М.М. Бахтина полифонический принцип, развитие которого в постструктуралистской и постмодернистской философии было рассмотрено автором. Сам Бахтин, как известно, апеллировал к романам Достоевского. Полифония описывает ситуацию, когда в произведении сосуществуют множество равноправных голосов и сознаний. Каждый герой имеет свою собственную точку зрения и не подчиняется авторской воле.

Автор рецензируемой статьи стремится критически переосмыслить основания полифонического мышления в контексте современных философских дискуссий о субъективности, множественности и справедливости. Термин «полифония» он использует как концептуальную метафору «для обозначения множественности без иерархического подчинения голосов единому центру, что создает определенное терминологическое напряжение между музыкальным происхождением термина и его философским применением».

Использованная автором методология историко-философского исследования позволяет ему рассмотреть проблему критических пределов полифонического принципа и решить

вопрос о том, как внутренние апории этого принципа соотносятся с его продуктивными возможностями. Автор прав, когда утверждает, что полифонический анализ не может ограничиваться нейтральным описанием сосуществующих дискурсов. Такой анализ должен включать критическую генеалогию, эксплицирующую исторические условия.

Выполненное автором исследование представляется достаточно актуальным по причине того, что оно затрагивает круг вопросов и персоналий, мало или недостаточно освещаемых в современной отечественной историко-философской литературе, посвященной постструктурализму и постмодернизму – например, оригинальную фигуру Жильбера Симондона (1924-1989), влияние творчества которого прослеживается в работах не только Жюль Делеза, но и Бруно Латура, Бернарда Стиглера и Юк Хуэя.

Научная новизна работы в том, что автор систематически рассматривает три фундаментальные апории полифонического принципа и демонстрирует их продуктивный характер. Согласно автору, апория самообоснования демонстрирует принципиальную незавершенность любой легитимации. Апория коммуникации выявляет творческий потенциал межкультурных встреч. Апория критериев свидетельствует о событийной природе истины.

Работа выдержана в характерном для постмодернистского философствования стиле. Рецензент критически относится к большинству идей постмодернизма, но отмечает, что структура и само содержание статьи логичны и подчинены раскрытию авторской идеи.

Библиография включает важнейшие для темы работы, многие из которых стали классическими для постструктуралистской философии и «состояния постмодерна». Автор обнаруживает основательное знакомство с идеями Ж. Делеза, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Деррида, С. Холла и других мыслителей.

На наш взгляд, данное историко-философское исследование, хотя и носящее по большей части обзорный характер, рассматривает важную проблему для переживаемой современным человечеством исторической эпохи. Полифония отражает сложность, многогранность и противоречивость современного мира, в котором нет единой, абсолютной истины. Этот принцип может быть применён и к анализу социальных явлений, где различные группы и индивиды отстаивают свои интересы и ценности.

К сожалению, автор в своей статье не обратился к исследованиям В.М. Розина, который рассматривал полифоничность в философии как характеристику современного мышления в целом, как совокупность «многих разных мышлений», находящихся между собой в различных отношениях (дополнения, противостояния, независимости. С другой стороны, «нельзя объять необъятное», как утверждал никогда не существовавший Козьма Прутков.

Тем не менее, данная статья, несомненно вызовет интерес не только у специалистов в области современного любомудрия, но и у широкой аудитории отечественных гуманитариев. Ведь искусство и литература невозможны без полифонии, которая часто становится важным художественным приемом (в «Голосах памяти» У. Фолкнера, «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, «Столпах Земли К. Фоллетта и прочих замечательных вещах). Как отмечает сам автор, «полифония представляет собой не столько теорию множественности, сколько критический проект, направленный на расширение пространства легитимных артикуляций и демократизацию эпистемологического режима». С этим утверждением, на наш взгляд, стоит согласиться.